

## Ирина Пивоварова "Селивёрстов не парень, а золото!"



Селиверстова в классе не любили. Он был противный.

У него уши красные были и торчали в разные стороны. Он тощий был. И злой. Такой злой, ужас!

Однажды он меня чуть не убил!

Я в тот день была дежурной санитаркой по классу. Подошла к Селиверстову и говорю:

— Селиверстов, у тебя уши грязные! Ставлю тебе двойку за чистоту.

Ну что я такого сказала?! Так вы бы на него посмотрели!

Он весь побелел от злости. Кулаки сжал, зубами заскрипел... И нарочно, изо всей силы, как наступит мне на ногу!

У меня нога два дня болела. Я даже хромала.

С Селиверстовым и до этого никто не дружил, а уж после этого случая с ним вообще весь класс перестал разговаривать. И тогда он знаете что сделал? Когда во дворе мальчишки стали играть в футбол, взял и проткнул футбольный мяч перочинным ножом.

Вот какой был этот Селиверстов!

С ним даже за одной партой никто не хотел сидеть! Бураков сидел, а потом взял и отсел. А Сима Коростылёва не захотела с ним в пару становиться, когда мы в театр пошли. И он её так толкнул, что она прямо в лужу упала!

В общем, вам теперь ясно, какой это был человек. И вы, конечно, не удивитесь, что, когда он заболел,

никто и не вспомнил о нём.

Через неделю Вера Евстигнеевна спрашивает:

— Ребята, кто из вас был у Селиверстова?

Все молчат.

— Как, неужели за всю неделю никто не навестил больного товарища?! Вы меня удивляете, ребята! Я вас прошу сегодня же навестить Юру!

После уроков мы стали тянуть жребий, кому идти. И, конечно, выпало мне!

Дверь мне открыла женщина с утюгом.

— Ты к кому, девочка?

— К Селиверстову.

— А-а, к Юрочке? Вот хорошо! — обрадовалась женщина. — А то он всё один да один.

Селиверстов лежал на диване. Он был укрыт вязаным платком. Над ним к дивану была приколотая салфетка с вышитыми розами. Когда я вошла, он закрыл глаза и повернулся на другой бок, к стене.

— Юрочка, — сказала женщина, — к тебе пришли.

Селиверстов молчал.

Тогда женщина на цыпочках подошла к Селиверстову и заглянула ему в лицо.

— Он спит, — сказала она шёпотом. — Он совсем ещё слабый!

И она наклонилась и ни с того ни с сего поцеловала этого своего Селиверстова.

А потом она взяла стопку белья, включила утюг и стала гладить.

— Подожди немножко, — сказала она мне. — Он скоро проснётся. Вот обрадуется! А то всё один да один. Что же это, думаю, никто из школы не зайдёт?

Селиверстов зашевелился под платком.

«Ага! — подумала я. — Сейчас я всё скажу! Всё!»

Сердце у меня забилось от волнения. Я даже встала со стула.

— А знаете, почему к нему никто не приходит?

Селиверстов замер.

Мама Селиверстова перестала гладить.

— Почему?

Она глядела прямо на меня. Глаза у неё были красные, воспалённые. И морщин довольно много на лице. Наверное, она была уже немолодая женщина... И она смотрела на меня так... И мне вдруг стало её жалко. И я забормотала непонятно что:

— Да вы не волнуйтесь!.. Вы не подумайте, что вашего Юру никто не любит! Наоборот, его очень даже любят! Его все так уважают!..

Меня пот прошиб. Лицо у меня горело. Но я уже не могла остановиться.

— Просто нам столько уроков задают — совсем нету времени! А ваш Юра ни при чём! Он даже очень хороший! С ним все хотят дружить! Он такой добрый! Он просто замечательный!

Мама Селиверстова широко улыбнулась и снова взялась за утюг.

— Да, ты права, девочка, — сказала она. — Юрка у меня не парень, а золото!

Она была очень довольна. Она гладила и улыбалась.

— Я без Юры как без рук, — говорила она. — Пол он мне не даёт мыть, сам моет. И в магазин ходит. И за сестрёнками в детский сад бегают. Хороший он! Правда хороший!

И она обернулась и с нежностью посмотрела на своего Селиверстова, у которого уши так и пылали.

А потом она заторопилась в детский сад за детьми и ушла. И мы с Селиверстовым остались одни.

Я перевела дух. Без неё мне было как-то спокойнее.

— Ну вот что, хватит придуриваться! — сказала я. — Садись к столу. Я тебе уроки объяснять стану.

— Проваливай, откуда пришла, — донеслось из-под платка.

Ничего другого я и не ждала.

Я раскрыла учебник и затараторила урок. Я нарочно тараторила изо всех сил, чтобы побыстрее кончить.

— Всё. Объяснила! Вопросы есть?

Селиверстов молчал.

Я щёлкнула замком портфеля и направилась к дверям. Селиверстов молчал. Даже спасибо не сказал. Я уже взялась за ручку двери, но тут он опять вдруг завоzilся под своим платком.

— Эй, ты... Синицына...

— Чего тебе?

— Ты... это...

— Да чего тебе, говори скорее!

— ...Семечек хочешь? — вдруг выпалил Селиверстов.

— Чего? Каких семечек?!

— Каких-каких... Жареных!

И не успела я и слова сказать, как он выскочил из-под платка и босиком побежал к шкафу. Он вынул из шкафа пузатый ситцевый мешочек и стал развязывать верёвку. Он торопился. Руки у него дрожали.

— Бери, — сказал он.

На меня он не глядел. Уши у него горели малиновым огнём.

Семечки в мешке были крупные, одно к одному. В жизни я таких семечек не видала!

— Чего стоишь? Давай бери! У нас много. Нам из деревни прислали.

И он наклонил мешок и как сыпанёт мне в карман прямо из мешка! Семечки дождём посыпались мимо. Селиверстов охнул, кинулся на пол и стал их собирать.

— Мать придёт, ругаться будет, — бормотал он. — Она мне вставать не велела...

Мы ползали по полу и собирали семечки. Мы так торопились, что два раза стукнулись головами. И как раз когда мы подняли последнее семечко, в замке звякнул ключ...

Всю дорогу домой я щупала шишку на голове, грызла семечки и смеялась:

«Ну и чудак этот Селиверстов! И не такой уж он и тощий! А уши — уши у всех торчат. Подумаешь, уши!»

Целую неделю ходила я к Селиверстову.

Мы писали упражнения, решали задачи. Иногда я бегала в магазин за хлебом, иногда в детский сад.

— Хорошая у тебя подружка, Юра! Что же ты мне раньше о ней ничего не рассказывал? Мог бы давно нас познакомить!

Селиверстов выздоровел.

Теперь он стал приходить ко мне делать уроки. Я познакомила его с мамой. Маме Селиверстов понравился. И вот что я вам скажу: не такой уж он в самом деле плохой, Селиверстов! Во-первых, он теперь учится хорошо, и Вера Евстигнеевна его хвалит. Во-вторых, он больше ни с кем не дерётся. В-третьих, он научил наших мальчишек делать змея с хвостом. А в-четвёртых, он всегда ждёт меня в раздевалке, не то что Люська! И я всем так говорю:

— Вот видите, вы думали, Селиверстов плохой. А Селиверстов хороший! Селиверстов не парень, а золото!